

Лебедев М.

**Взаимное отношение церкви и
государства по воззрениям
славянофилов. Опыт оправдания
системы отделения церкви от
государства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М11

М11 **М. Л.**
Взаимное отношение церкви и государства по воззрениям славянофилов. Опыт оправдания системы отделения церкви от государства / Лебедев М. – М.: Книга по Требованию, 2024. – 572 с.

ISBN 978-5-519-92678-2

ISBN 978-5-519-92678-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

хотовъ (приговоръ Писарева...). Оказывается, ихъ программа вѣроисповѣдной политики забѣгаетъ впередъ по сравненію съ программой партіи к.-д. (Русск. вѣд. 1907, № 101, ст. С. Котляревскаго)! Въ этомъ отношеніи они ближе къ лѣвымъ партіямъ, какъ родственны имъ и по идеямъ социализма и анархизма!

Впрочемъ, авторъ склоненъ видѣть извиняющее обстоятельство для противниковъ славянофильства въ отсутствіи систематическихъ трудовъ, гдѣ бы славянофилы излагали свои взгляды. Безчисленное множество журнальныхъ статей и передовицъ, письма, разрозненныя записки по всемірной исторіи, библіографическія замѣтки,—вотъ то наслѣдство, что досталось послѣдующимъ поколѣніямъ отъ этой группы идеалистовъ. Но кто рѣшитъ разобраться въ этомъ хаосѣ, не будетъ жалѣть, если только, конечно, исполнить просьбу Ив. Сер. Аксакова: „Если вы ссылаетесь на славянофиловъ, такъ и держитесь ихъ воззрѣній и образа дѣйствій, а въ противномъ случаѣ нечего и ссылаться“ (т. V, стр. 646).

И авторъ надѣется избѣжать обвиненія въ перетолкованіи славянофильскихъ воззрѣній по затронутымъ вопросамъ. Однако, считаясь съ наличными взглядами на данную литературную группу, онъ предпочелъ обращаться въ нужныхъ мѣстахъ къ подлиннымъ словамъ славянофиловъ. Но это же самое требуется и темой сочиненія; къ тому же располагаетъ и оригинальный языкъ разсматриваемыхъ писателей. Быть конгеніальнымъ истолкователемъ славянофиловъ по данному вопросу,—вотъ что прежде всего требовалось данною темой.

Однако, славянофильскіе взгляды не обладаютъ авторитетомъ откровенія, и авторъ не считалъ себя вправѣ ограничиться изложеніемъ, принявъ ихъ на вѣру. Личная заинтересованность заставляла обратиться и къ изученію доступнаго историко-юридическаго и др. матеріала, касающагося данной темы. Такая работа является необходимою и въ виду того, что—какъ уже замѣчено—у славянофиловъ нѣтъ специальныхъ трудовъ, посвященныхъ данному вопросу. Систематизація ихъ взглядовъ—мозаиче-

IV

ская работа изъ позаимствованій изъ ряда отрывочныхъ и разновременныхъ статей и замѣтокъ. Хотя послѣднія—плодъ глубокаго знакомства съ научнымъ матеріаломъ, но для читателя славянофильскихъ трудовъ это не осязуемо. Вслѣдствіе этого пришлось „подводить фундаментъ“ подъ славянофильскіе взгляды, положенія.

Этимъ окончательно объясняется характеръ настоящей работы. Она превратилась изъ историко-критической въ историко-догматико-каноническую.

Авторъ не думаетъ, что данный вопросъ имъ исчерпанъ и рѣшенъ окончательно. Но ему кажется, что и его работа не бесполезна. Здѣсь ставится вопросъ, подлежащій немедленному разрѣшенію. Имъ занималось предсоборное присутствіе. Но на немъ же было высказано, что рано рѣшать этотъ вопросъ: если наука еще ничего не сдѣлала для уясненія отношенія между царскою и патріаршею властями, то еще менѣе подготовленъ вопросъ объ отношеніи церкви и государства. Присоединяясь къ этому голосу канониста проф. Суворова (прот. предс. прис. т. I, стр. 203, ср. 277), проф. Глубоковскій добавляетъ, что тутъ напередъ должна много и долго поработать наука, не столько руководствуясь византійскими идеалами, сколько помня принципиальныя библейскія основы (*ibidem*, стр. 259). И журнальный обозрѣватель соотвѣтствующей литературы констатируетъ, что вопросъ о томъ, въ какихъ конкретныхъ формахъ должны выразиться отношенія между церковью и государствомъ у насъ въ ближайшее время, какіе пути ведутъ къ опознанному въ качествѣ необходимаго идеалу истинной свободы церкви,—вопросъ объ этомъ остается открытымъ (Христ. Чтен. 1906, II, 768).

Все это даетъ автору смѣлость надѣяться, что ему не поставятъ на видъ непродуктивность затраты времени и энергіи....

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Есть мнѣніе, раздѣляемое далеко не единичными личностями, что будто государству нѣтъ дѣла до религіи, такъ какъ послѣдняя—явленіе міра субъективнаго, и будто вѣра, Церковь образующая, и государственная жизнь—два параллельныя порядка бытія, другъ съ другомъ не соприкасающіеся. Само собою разумѣется, что если вѣрно подобное утвержденіе, то не можетъ быть для практической науки и самой темы—*отношеніе церкви и государства*. Поэтому и разсужденія по данному вопросу будутъ не излишни лишь въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на вопросъ: имѣетъли вѣра какое-нибудь соціально-государственное значеніе? Отсюда возникаетъ необходимость, прежде историко-теоретическаго разсмотрѣнія взаимоотношенія Церкви и Государства, кратко очертить природу этихъ двухъ субъектовъ темы, чтобы показать раціональность проблемы.

§ 1.

Вл. С. Соловьевъ, „нисколько не сомнѣваясь въ искренней религіозности того или другого поборника „русскихъ началъ“, считаетъ однако для себя совершенно „яснымъ“ то обстоятельство, „что въ *системѣ* славянофильскихъ воззрѣній нѣтъ законнаго мѣста для религіи *какъ таковой*, и что если она туда попала, то лишь по не-

доразумѣнію и, такъ сказать, съ чужимъ паспортомъ“ ¹⁾). Изъ контекста рѣчи нельзя понять, что разумѣлъ философъ подъ религіей „какъ таковой“, для которой, по его мнѣнію, нѣтъ мѣста въ системѣ славянофильства. Но зато онъ не обвиняясь сообщаетъ, что дало ему право такъ думать. Причина оказывается въ томъ, что будто „для славянофильства православіе есть атрибутъ русской народности, оно есть истинная религія, въ концѣ концовъ, лишь потому, что его проповѣдуетъ русскій народъ“ ²⁾). Говоря иначе, по взгляду Соловьева, религія у славянофиловъ подчинена народности. Подобное открытіе, однако, не дѣлаетъ чести названному писателю ни со стороны его состоятельности, ни со стороны новизны. Съ подобнымъ обвиненіемъ пришлось встрѣтиться Ив. С. Аксакову въ статьѣ г. Мамонова ³⁾), объявившаго, что славянофильство *логически* вынуждалось быть православнымъ, потому именно, что русскій народъ православенъ, такъ что—иллюстрируетъ Ив. С.— „исповѣдуй русскій народъ ламайскую вѣру, буддизмъ, они (славянофилы), скрѣпя сердце и насилиуя разумъ, поклонились бы Далай-Ламѣ, обратились бы въ буддистовъ: назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ“ ⁴⁾). А нѣкій г. Антоновичъ пресерьезно увѣряетъ, что, вопреки стремленію православія объединить всѣ народы одною вѣрою, славянофилы не допускаютъ подобной возможности, „потому что, по ихъ мнѣнію, православіе есть основной элементъ русской народности: стало быть другіе народы не могутъ сдѣлаться православными, потому что по природѣ своей не могутъ же обратиться въ русскихъ“ ⁵⁾). Логичность подобнаго „умозаключенія“ Ив. С. прекрасно характеризуетъ, говоря, „что если бы, напр., мы сказали, что основной элементъ внутренняго содержанія г. Антоновича есть социализмъ, то это еще не значить, что нельзя стать социалистомъ, не ставши г. Антоновичемъ, не приобрѣтя свойства, ликъ и духовную физиономію“ его ⁶⁾).

¹⁾ Соч. Вл. Соловьева V, 167. ²⁾ Ibidem.

³⁾ Русскій Архивъ, 1873 г. ⁴⁾ Ив. Акс. VII, 774.

⁵⁾ Онъ же, V, 514—15. ⁶⁾ Ibidem, 515.

Такое обвиненіе въ старовѣрчествѣ (= умремъ за букву а, въ которую вѣровали отцы) одно изъ многихъ недоразумѣній, окружающихъ первыхъ славянофиловъ. Въ пылу полемики и личныхъ счетовъ было, конечно, возможно дѣлать подобные выводы; но они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Обстоятельное знакомство съ воззрѣніями московскаго кружка поборниковъ „русскихъ началъ“ вполне подтверждаетъ ошибочность подобнаго обвиненія. Ив. Сергѣевичъ, полемизируя съ подобными комментаторами, утверждалъ, что „характеристическою существенною особенностью славянофильства было его нравственное содержаніе, его логически неразрывная тѣсная связь съ христіанскою вѣрою и ученіемъ“ ¹⁾, что тотъ не пойметъ славянофильства, кто забудетъ, что его „основа-христіанство, не только какъ нравственная доктрина, но и какъ вѣроученіе, исповѣдуемое православною Церковью“ ²⁾. Но это же поясняетъ, что „не потому дорожили такъ называемые „славянофилы“ русскими народными началами, что они *свои*, русскія, но потому именно, что усматривали въ нихъ согласіе съ требованіями высшей истины или, по крайней мѣрѣ, возможность такого согласія и стремленіе къ нему“ ³⁾. При ихъ философской развитости они иначе и не могли думать. Даже простая „вѣрность народнымъ началамъ“ не позволяла думать иначе, т. е., напр., по старовѣрчески, такъ какъ народныя начала это—тѣ, что „цѣлый народъ себѣ усвоилъ, внесъ ихъ какъ власть, какъ правящую силу, въ свою жизнь“, которому они „представляются не *народными* (т. е. не историческими и ограниченными), а *безусловно-истинными, абсолютными*. Потому то народъ и вноситъ ихъ въ свою жизнь, что онъ въ нихъ видитъ полную и высшую истину, за которою, выше, и далѣе которой не хватаетъ его сознаніе. Народность этихъ началъ, въ смыслѣ ихъ ограниченности, для него *не можетъ быть видна*; ибо уразумѣвъ ихъ ограниченность, онъ бы бросилъ ихъ и принялъ бы другія“ ⁴⁾. Въ виду подобной логики русскаго народа,

¹⁾ Акс. VII, 799. ²⁾ онъ же, V, 645. ³⁾ Ibidem. ⁴⁾ Самар. I, 151.

славянофиламъ, даже въ качествѣ поборниковъ русской народности со всѣми ея атрибутами, надлежало считать православіе истиною не потому, что оно оказалось „туземнымъ преданіемъ“, а потому, что оно удовлетворяетъ дѣйствительнымъ запросамъ души человѣческой, равно и русскую національность цѣнить высоко не потому, что она своя—русская, а потому и восколько она проникнута духомъ православія¹⁾. Очевидно, не „случайно“ и не „съ чужимъ паспортомъ“ попало православіе въ систему славянофильства, убѣжденнаго и всегда открыто и настойчиво проповѣдывавшаго, что все дѣло,—т. е. вся жизнь человѣчества, его исторія,—въ религіи, ею именно обусловливается самый прогрессъ человѣчества, ею же воспитываемаго²⁾. И это высказывалось не безъ основаній.

Вѣра—двойной процессъ: раціональный, какъ богопознаніе, и волевой, какъ жизнь. Одинаково, и въ системѣ философа и въ убогомъ „міровоззрѣніи“ дикаря или вообще простолюдина центральное мѣсто занимаетъ идея Бога. Оставляя вопросъ о возникновеніи ея, достаточно констатировать фактъ ея всеобщности. Вѣра „равно принадлежитъ всякому существу мыслящему, будь его кожа черна какъ уголь, или поэтически бѣла, какъ снѣгъ, и будь его волоса курчавымъ войлокомъ африканца или каштаповымъ украшеніемъ англійской головы“³⁾. И странно было бы предположить, *особенно* съ эволюціонной точки зрѣнія, чтобы такое всеобщее явленіе не имѣло самаго

¹⁾ Акс. VII, 176—77; I, 677 и д. Сам. I, 151, Хомяковъ—„О старомъ и новомъ“ и мн. др.

²⁾ Хом. VIII, 178, III, 28. Интересно, что иностранецъ проф. Масарикъ, кажется, лучше понялъ славянофильство, нежели Вл. Соловьевъ. По крайней мѣрѣ у него читаемъ: „славянофилъ и социалистъ отличаются въ томъ отношеніи, что Аксаковъ (разумѣется Конст. С—ъ) обосновываетъ общину прежде всего на религіозныхъ и этическихъ силахъ, отличавшихъ славянскіе (русскій) народы и что въ общинѣ онъ не видитъ коммунизма (западнаго) (Масарикъ, Филос. и социал. основ. марксизма, стр. 328). Кладъ религію (православіе) въ основу не то же, что считать ее историческимъ придаткомъ?

³⁾ онъ же, V, 358.

жизненного значенія. И на выясненіи роли вѣры въ жизни индивидуума и человѣческихъ обществъ довольно подробно останавливаются славянофилы ¹⁾.

Богъ—идеаль для каждаго человѣка. Божеская жизнь—желанная жизнь, счастье—богоуподобленіе. Эта гармонія между самопознаніемъ человѣка и его богопознаніемъ обуславливаетъ то обстоятельство, что „религія переноситъ въ невидимое небо законы, которыми управляется видимый міръ земли и его видимый владыка—человѣкъ“ ²⁾. Характеръ мечты объ идеаль и счастье въполнѣ зависитъ отъ условій жизни, есть обратная сторона ея невзгодъ, ея неприглядной дѣйствительности. Вслѣдствіе этого, въ содержаніи идеи Божества воплощается вся исторія человѣка, рода, племени; небо мифологіи—отраженіе земли ³⁾. Въ мысли о Божествѣ человѣкъ находитъ вѣнецъ своего существованія; вслѣдствіе этого вѣра является совершеннѣйшимъ плодомъ народнаго образованія, предѣломъ внутренняго развитія человѣка ⁴⁾, совершеннѣйшимъ отраженіемъ внутренняго строя или разстройства души ⁵⁾. Ложная или истинная, явно или тайно, разумно или инстинктивно, заключаетъ она въ себѣ полный и окончательный выводъ изъ его духовной жизни, весь міръ помысловъ и чувствъ человѣческихъ ⁶⁾. Она—крайняя черта развитія его и существованія. Она опредѣляетъ направленіе его образованія и жизни ⁷⁾. Понятно отсюда, что изъ ея круга человѣкъ выйти уже не можетъ, и въ ней его будущность, личная и общественная. Естественнo, что въ созданіи своего идеала человѣкъ не простая мыслящая машина. Онъ не рисуетъ только его, а стремится къ его достиженію, обладанію жизнью по созданному идеалу, изыскиваетъ способы и средства къ его осуществленію, дѣйствуетъ. „Мысль о Божествѣ есть жизнь и дѣло“ ⁸⁾, потому что че-

¹⁾ Дальнѣйшія разсужденія § почеркнуты почти исключительно изъ Хомякова, но не потому, что у другихъ разсматриваемыхъ авторовъ нѣтъ соотвѣствующихъ взглядовъ и разсужденій, а потому, что у нихъ нѣтъ новаго. ²⁾ Хом. V, 217.

³⁾ Хом. V, 200, 199. ⁴⁾ Ib. 8, 168, VI, 251. ⁵⁾ V, 199. ⁶⁾ Ib. 168, 125.

⁷⁾ V, 8, 131, Самар. I, 141. ⁸⁾ Хом. VI, 187.

ловѣкъ, создавая идеаль, ставить его предъ собою какъ верховный и обязательный законъ, вносить его въ свою жизнь, „черезъ что самое становится выше міра явленій и пріобрѣтаетъ надъ собою творческую силу“. Онъ „уже не прозябаетъ, а образуетъ себя“ ¹⁾).

Но человѣкъ—существо общественное. Связанный тысячами нитей съ себѣ подобными, онъ испытываетъ отъ нихъ и на нихъ оказываетъ вліяніе, сообразно своимъ стремленіямъ, т. е. въ духѣ идеала—вѣры. Вслѣдствіе этого вѣра изъ міра лично-субъективнаго переходитъ въ разрядъ дѣйствій общественныхъ, стремится къ воплощенію въ бытѣ частномъ и общественномъ. И она не ограничивается какимъ-нибудь уголкомъ жизни человѣка или общества, а требуетъ цѣлокупной жизни, порождая въ противномъ случаѣ гибельное раздвоеніе ²⁾). Общность стремленій вѣры объединяетъ цѣлую группу личностей, сообщая ей прочное единство, основанное на единствѣ вѣры, на единствѣ жизненнаго начала. Общественная жизнь стремится получить направленіе сообразное съ религіей, ибо она отъ этой никогда не можетъ отдѣлиться ³⁾). Поэтому, какъ въ психологіи индивидуума вѣра составляетъ жизненный нервъ, такъ непонятна безъ нея и психологія народовъ ⁴⁾). Проникая все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему, охватывая невидимыми нитями или корнями его чувства, убѣжденія и стремленія, озаряя своимъ свѣтомъ нравственныя понятія человѣка, его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними, вѣра, очевидно, не можетъ оставаться на степени „личнаго субъективнаго чувства“, и жизнь жестоко обличаетъ ограничивающихъ вѣру простымъ „исповѣданіемъ“ или „обрядностью“ или даже прямыми отношеніями человека къ Богу ⁵⁾). Безъ вѣры нѣтъ *человѣка*, ибо самъ человѣкъ—это его вѣра ⁶⁾). А вѣра—„начало общественное, ибо само общество есть не что иное, какъ видимое про-

¹⁾ Сам. I, 141. ²⁾ Хом. VI, 477, VII, 281, 283. ³⁾ Хом. VII, 308.

⁴⁾ Акс. VII, 597. ⁵⁾ Хом. I, 385, Акс. III, 153, Кир. I, 70.

⁶⁾ Хом. II, 338; ср. Сам. I, 157—59.

явленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними“¹⁾. Такимъ образомъ, при субъективномъ корнѣ, вѣра становится общественнымъ символомъ, и, по мѣрѣ роста сознанія общества, возводится на степень принципа-знамени²⁾. Это потому, что общество сознаетъ себя не по логическимъ путямъ: „его сознаніе есть самая его жизнь; оно лежитъ въ единствѣ обычаевъ, въ тождествѣ нравственныхъ или умственныхъ побужденій, въ живомъ и непрерывномъ размѣнѣ мыслей, во всемъ томъ безпрестанномъ волненіи, которымъ зиждуются народъ и его внутренняя исторія“³⁾. Въ виду этого вполне понятна особенная настойчивость славянофиловъ въ утвержденіи, что вѣра—корень національности. Измѣненіе вѣры должно влечь за собою перемѣну самой національности. Конечно, названіе сохранится, но духъ націи, качество ея измѣнится. Мудрено, напр., испанцу стать протестантомъ такъ, чтобы при этомъ нисколько не измѣнились его взгляды на исторію народа, всѣ его семейныя и общественныя отношенія, его характеръ какъ испанца, его народное опредѣленіе⁴⁾. Странно говорить о русскихъ Моисеева закона, русскихъ Магометовой вѣры и т. п. Естественно, если въ Западномъ краѣ члены семьи дѣлятся на націи по вѣроисповѣданію⁵⁾. Такимъ образомъ вѣроисповѣданіе есть великій историческій факторъ, подъ воздѣйствіемъ котораго слагается духовный народный организмъ (понимая „народъ“ какъ цѣлое, а не какъ аггломератъ отдѣльныхъ лицъ)⁶⁾. Понятно въ виду этого, что какъ

¹⁾ Хом. I, 385. ²⁾ Акс. II, 67—68. Ср. Гиляровъ-Платоновъ, II, 229—30, 214. ³⁾ Ib. I, 20. ⁴⁾ Самар. I, 158.

⁵⁾ Ив. Акс., II, 211—212. Очевидно, что для истиннаго славянофильства православіе необходимый атрибутъ „русскаго“ не какъ гражданина Россіи, а какъ члена русско-славянской націи. И одно то обстоятельство, что русскіе живутъ въ Россіи, само по себѣ еще не ведетъ къ извѣстному третьему пункту политической программы „Московскихъ Вѣдомостей“ („Народность, Самодержавіе, Православіе“)...

⁶⁾ Акс. VII, 597. Вл. Соловьеву угодно смѣяться надъ фразой Ив. Аксакова, что „латинство претитъ самой природѣ славянъ“. Но

отдѣльный индивидуумъ готовъ на мученичество за вѣру, такъ и цѣлые народы воздвигаются на защиту своей вѣры, обрекая себя на борьбу до послѣдней капли крови. Если „на защиту Кіева сбѣжится вся Русь православная“ ¹⁾, то потому, что Кіевъ дорогъ ей какъ символъ ея идеала, какъ носитель святого святыхъ ея души. Здѣсь же кроется и корень внутренней политики денаціонализаціи и ассимиляціи извѣстной народности чрезъ прививку ей вѣроисповѣданія господствующей націи. Очевидно, говорить о *отрѣ* народной можно лишь тогда, если на лицо „единомысліе народа, освященное яркими воспоминаніями, развитое въ преданіяхъ одномысленныхъ, сопроникнутое съ устройствомъ государственнымъ, олицетворенное въ обрядахъ однозначительныхъ и общенародныхъ, сведенное къ одному началу положительному и ощутительному во всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ отношеніяхъ“ ²⁾. Когда этого нѣтъ, когда вѣра остается только на степени безжизненнаго вѣрованія или обязательнаго пункта государственной правоспособности, тогда можно говорить только о религіи. И для оцѣнки и характеристики того или другого вѣроисповѣданія необходимо самое внимательное разсмотрѣніе тѣхъ практическихъ послѣдствій, что имъ поражаются ³⁾. Отсюда различіе между вѣрой и религіей такъ глубоко, что назвать, напр., православную вѣру религіей значитъ обезобразить самую ея природу ⁴⁾. Религія

подъ этой фразой подписались бы Хомяковъ, Киреевскій. А у Самарина находимъ ея прекрасное разъясненіе. Специально занимаясь „польскимъ вопросомъ“, Юр. О. убѣдился (I, 325—50), что рѣшеніе его возможно лишь при условіи добровольнаго признанія поляками русскаго народнаго идеала — православія (ср. мнѣніе поляка-писателя Красинскаго—Акс. III, 296—97). Это требуется не потому, что русскіе сильнѣе, а потому, что ихъ идеаль гармонизуетъ съ ихъ природой. Не то *латинство* (Сам. I, 336), которое сгубило Польшу, внося въ душу поляка противорѣчіе. Это чувствовали гусситы, чехи: ратуя за „причащеніе подъ двумя видами“, они боролись за свою націю. Въ чемъ корень противорѣчія — Сам. I, 338 и мн. др. О томъ же весь I-й т. сочин. Ив. Аксакова. Ср. сужденіе Д. Синицкаго—В. Ю.-З. Р., 1862, отд. II, кн. VI, стр. 68 sqq.

¹⁾ Акс. VI, 300. ²⁾ Киреевск. I, 70. ³⁾ Хом. I, 257. Сам. I, 336 и д.

⁴⁾ Хом. I, 395, VI, 484, V, 234.